

«Встрѣчи» помѣщаютъ ниже статью Д. С. Мережковскаго по вопросу, который въ последнее время пріобрѣлъ столь острый интересъ. Въ дальнѣйшемъ «Встрѣчи» надѣются дать статьи другихъ авторовъ на ту же тему.

Антисемитизмъ и Христіанство

Иисусъ, Іагве, — который же изъ васъ?

В. Розановъ.

Антисемитизмъ и христіанство, — вѣчный вопросъ, неразрѣшимый въ плоскости, гдѣ онъ почти всегда рѣшается, — національно или даже интернационально-политической, — разрѣшимый только въ плоскости религіозной, гдѣ онъ и возникъ.

Четверть вѣка назадъ, онъ уже былъ поставленъ В. В. Розановымъ. Ставится онъ имъ же, въ его посмертной книгѣ: «Апокалипсисъ нашихъ дней». Шопотомъ предвѣщались голоса громовъ будущихъ; шопотомъ повторяются голоса бывшихъ громовъ, а, можетъ быть, и новыхъ — будущихъ. Худо было тогда, что мы ихъ не услышали; какъ бы не было хуже, если опять не услышимъ.

Кажется, нигдѣ, никогда не ставился этотъ вопросъ съ такой рѣзкой остротою, какъ на тѣлѣ Россіи. Быть или не быть христіанству, значить ли это: быть іудейству, или христіанству? «Иисусъ, Іагве, — Который же изъ васъ?», въ предсмертной тоскѣ вопіалъ Розановъ.

О, конечно, это не только русскій вопросъ, но и всемірный, вѣчный. Пусть искаженно, превратно — все же глубоко отражается онъ въ рѣшающей судьбы человѣчества борьбѣ двухъ племенъ, двухъ кровей, семитской и арійской. Вѣчно и всемірно дѣйствуетъ между ними законъ религіозной полярности — притяженія-отталкиванія, вражды-влюбленности.

Ихъ соединенье, сочетанье,
И роковое ихъ слянье,
И поединокъ роковой

наполняютъ исторію и, наконецъ, заостряются въ послѣднемъ вопросѣ-воплѣ: «Который же изъ васъ?».

Чистый аріецъ геніаленъ въ искусствѣ, наукѣ, философіи, политикѣ — во всемъ, только не въ религіи. Дикіе цвѣты фольклора, многобожья національнаго, вянушіе отъ одного прикосновенія всемірной культуры, — вотъ

все, что создаетъ онъ, въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ — міровую религію безъ Бога — антирелигію — буддизмъ.

Чистый семитъ геніаленъ въ религіи: онъ, можно сказать, только и дѣлаетъ въ исторіи, что создаетъ религіи; въ худшемъ случаѣ — въ Египтѣ, Вавилонѣ, Ханаанѣ, — рождаетъ боговъ, въ лучшемъ — въ Израилѣ — Бога. Знать и сомнѣваться учить людей аріецъ; вѣрить и молиться — семитъ. У того въ крови — атеизмъ; у этого — религія. Тотъ — богоубійца; этотъ — богоносецъ.

Чтобы родить Бога, мужеству арійскому нужна семитская женственность; чтобы религіозно поднять арійское тѣсто, нужны семитскія дрожжи; чтобы зажечь сухолѣсье арійское, нуженъ семитскій огонь.

Въ меньшей степени нуждается семитъ въ арійцѣ, — только для того, чтобы онъ пожалъ и собралъ въ житницы его пустынную религіозную жатву (семитъ — вѣчный пустынный), расточилъ его небесное сокровище — созерцаніе внутреннее — во внѣшнемъ дѣйствіи. Но за главнымъ, вѣчнымъ, Божьимъ, — за хлѣбомъ жизни, — не семиты протягиваютъ руку къ арійцамъ, какъ нищіе, а эти къ нимъ. Холоденъ былъ бы нашъ арійскій домъ безъ очага семитскаго; обледенѣла бы наша арійская земля-культура — безъ семитскаго солнца-религіи.

Лучшее, что есть донинѣ въ мірѣ, чѣмъ еще міръ живетъ и, надо надѣяться, будетъ жить до конца, — христіанство, — цвѣтъ и плодъ этой, семито-арійской, полярности-влюбленности. Міръ побѣдившая воля: «да придетъ царствіе Твое» — родилась въ первыхъ іудео-христіанскихъ общинахъ, отъ Петра и Іоанна до Павла. Но это лишь точка, молнія, мигъ. Сынъ для дочери Израиля — только Возлюбленный, а Супругъ — Отецъ. Къ Отцу отъ Сына вернулась она, но не могла простить своему «Обольстителю». (такъ названъ Иисусъ Назорей въ Талмудѣ). И ненавистью кончилась любовь, краткій сонъ — вѣчной разлукой. Но слѣдъ любви остался въ мірѣ; тѣнь любви — христіанство, и по одной этой тѣни можно судить, чѣмъ была любовь.

Тайну іудео-христіанской полярности, кажется, понялъ, какъ никто изъ христіанъ, никто изъ іудеевъ, Розановъ; онъ понялъ святую и страшную тайну Израиля — имманентно-трансцендентный полъ, человѣчскій полъ въ Богѣ: «Sexus и Deus (Богъ и Полъ), какъ бы двое малютокъ въ одной люлькѣ» (В. Розановъ, «Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго»). — «Я (Богъ) проходилъ мимо тебя (дочь Израиля), и вотъ, это было время твое, время любви... Ты достигла превосходной красоты... И простеръ Я воскрылія ризъ моихъ на тебя... и покрылъ наготу твою... и ты стала моею» (Іез., 16, 7-8). Это значитъ: «Богъ Израиля — Супругъ Израиля». — «Азъ есмь огонь посядающій — Богъ ревнующій» (Второз. 4, 24)». «Огонь ревности чисто-супружеской есть въ то же время огонь религіозной ревности Бога израильскаго ко всѣмъ инымъ богамъ» (В. Розановъ). Это значитъ: тайна Израиля — тайна обрѣзанія — Богосупружество.

Понялъ Розановъ и то, что кровавый разрѣзъ между двумя завѣтами —

Отцомъ и Сыномъ, Супругомъ и Возлюбленнымъ — проходитъ именно здѣсь, въ обрѣзаніи. «Въ обрѣзаніи, говоритъ Розановъ, — устанавливается вѣчное и невольное созерцаніе Бога. Вотъ почему «всѣ комментаріи Библии, такъ сказать, написанные нашими чернилами, а не іудейской кровью обрѣзанія, не улавливаютъ существа дѣла, а просто ложны», говоритъ Розановъ.

Стыдная рана, *puddendum vulnus*, говоритъ кто-то изъ древнихъ посвященныхъ о ранѣ оскопившагося бога Аттиса. И рана разрѣза между двумя завѣтами — тоже стыдная. Тутъ мистеріальное «не тронь-меня» всего Израиля.

Вотъ почему такъ трудно говорить объ этомъ: «языкъ прилипаетъ къ гортани». Страшно подымать этотъ Божій покровъ съ лица Израиля. «Кто подыметъ покровъ съ лица моего, — умретъ», могъ бы сказать и онъ, какъ древне-вавилонская богиня любви, Иштаръ. «Любишь меня, — молчи; ненавидишь — молчи; скажешь, — умрешь», какъ бы остерегаетъ онъ друзей и враговъ.

Розановъ — «безстыдникъ трансцендентный», «предустановленный», посланный въ міръ для того, чтобы обнажить эту «стыдную рану», потому что обнажить ее все-таки надо: она можетъ сдѣлаться смертною.

Не была ли она и на тѣлѣ Россіи? Въ двухъ плоскостяхъ совершался «роковой поединокъ»: кровавый разрѣзъ шелъ по двумъ линіямъ.

Первая — антихристіанская. «Вся наша современность пронизана іудействомъ, абсолютнымъ Ж (женскостью) и коммунизмомъ», говоритъ Вейнинггеръ, тоже іудео-христіанинъ, какъ Розановъ, но въ обратномъ смыслѣ: этотъ отрывается, или хотѣлъ бы отречься отъ христіанства для іудейства, а тотъ — отъ іудейства для христіанства. Коммунизмъ, по Вейнинггеру, есть «явленіе абсолютной женскости — безраздѣльная сляйнность, неразличимое единство». — «Евреи безличны, какъ абсолютное Ж, и потому коммунисты»: собственность они отрицаютъ, какъ соціальныи и метафизическій атрибутъ личности.

Тутъ Вейнинггеръ кое-что путаетъ. Знакъ абсолютнаго равенства: «еврейство-женскость-безличность», не вѣренъ; вѣрно лишь то, что равенство это можетъ быть и, въ данномъ случаѣ, въ коммунизмѣ, какъ антихристіанствѣ, дѣйствительно, есть. Ранній, «праерафаэлитскій», соціализмъ, тоже по Вейнинггеру, — происхожденія арійскаго — Оуэнъ, Карлейль, Рескинъ, Фихте, а соціализмъ поздній — коммунизмъ — семитскаго — Марксъ. Мы теперь знаемъ, по опыту, что это не совсѣмъ такъ: корень коммунизма — еврейскій; цвѣтъ и плодъ — арійскій, или точнѣе, монголо-арійскій (Ленинъ).

Такова первая линія разрѣза, а вотъ вторая. Гоголь, Чаадаевъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ, Розановъ — вся тайная, ночная душа Россіи — семито-арійская, іудео-христіанская. Чтобы это понять, надо помнить, что духовная зараза арійства семитствомъ — іудео-христіанство — можетъ быть глубже сознанія — въ чувствѣ, въ волѣ, въ крови; надо помнить также три главныя силы религіозной семитской динамики: богорождаемость, одержимость пророческимъ духомъ и волю къ міровому концу — «Апокалипсису».

Всѣ эти три силы дѣйствуютъ, явно или тайно, въ семито-арійской душѣ Россіи.

Вспомнимъ Гоголя съ его — выражаясь грубо, общепонятно, — «мистическимъ бредомъ» и «половой извращенностью», — «некрофильскою» паночкой-вѣдьмою въ гробу («Вій»), мертвой Россіей «мертвыхъ душъ», съ его изступленнымъ — опять общепонятно, грубо, — «изувѣрскимъ» пророчествомъ («Переписка съ друзьями») и апокалипсическимъ ужасомъ: — «Господи, пусто и страшно въ мірѣ твоємъ!» — вспомнимъ все это и мы, можетъ быть, поймемъ, что Гоголь — аріецъ, сошедшій съ ума отъ семитскихъ древнихъ, «дряхлахъ страшилищъ».

Вспомнимъ Чаадаева, тоже «сошедшаго съ ума» для русскихъ жандармовъ и атеистовъ, съ такими странными, ни однимъ біографомъ не объясненными, чертами жизни: свѣтскій Адонисъ, «бабій пророкъ», любимецъ женщинъ, никогда ни одной не любившій, то ли отъ чрева матернаго скопецъ, то ли самъ себя оскопившій, ради Царства Небеснаго, бѣдный рыцарь «непостижнаго уму видѣнья»: *lumen coeli, Sancta Rosa*: вспомнивъ все это, мы, можетъ быть, поймемъ, что и это аріецъ, испеленный семитскимъ огнемъ.

Вспомнимъ, чѣмъ хотѣлъ быть Достоевскій, съ его антисемитскимъ ужасомъ: «Жидъ идетъ! Антихристъ идетъ!» и чѣмъ онъ былъ, — неистовый пророкъ, эпилептикъ и чувственникъ, такой же, какъ чистѣйшій семитъ, Магометъ.

Вспомнимъ Вл. Соловьева, съ лицомъ ветхозавѣтнаго пророка, съ апокалипсической «Повѣстью о концѣ міра и пришествіи Антихриста», съ тремя видѣньями Одной — то-ли древней семитской Астарты, то-ли христіанской Богоматери, — съ «тремя свиданьями», въ Москвѣ, Лондонѣ, Египтѣ — древней пустынѣ, откуда вышелъ Израиль, и съ предсмертной «молитвой за евреевъ», — и мы, можетъ быть, поймемъ, что если былъ послѣ апостола Павла христіанинъ, знавшій, что «весь Израиль спасется», то это онъ, Вл. Соловьевъ.

Вспомнимъ, наконецъ, и послѣдняго, — Розанова, съ его раздирующимъ душу воплемъ: «Который же изъ васъ?».

Но вся эта вѣшая, тайная, ночная, семито-арійская, іудео-христіанская душа Россіи не побѣдила; побѣдила дневная — только арійская, не іудейская и не христіанская — отъ Льва Толстого до... стыдно и страшно сказать — до Максима Горькаго.

Но вѣдь и Л. Толстой — «христіанинъ». Да, самый чистый: христіанство очистилъ онъ отъ іудейства — пола, пророчества, Апокалипсиса, Новый Заветъ — отъ Ветхаго, Сыновство отъ Отчества. Весь вопросъ въ томъ, что осталось — христіанство или буддизмъ — костеръ безъ огня, змѣя безъ жала, «квасъ безъ юзюменки».

Два роковыхъ созвѣзды, два знака рѣшаютъ судьбу народовъ — Левъ и Агнецъ: — арійскій, буддійскій Левъ и семито-арійскій, іудео-христіанскій

Агнецъ. Въ Россіи — знакъ Л. Толстого и знакъ Достоевскаго. Россія погибла подъ тѣмъ; не спасется ли подъ этимъ? Грѣшный день ея взошелъ подъ знакомъ Льва; не взойдетъ ли ея святая ночь подъ знакомъ Агнца?

Двѣ тысячи лѣтъ длится борьба христіанства съ антихристіанствомъ. Сущность «христіанства», говорятъ, — отрицаніе іудейства абсолютное. На Розановскій вопросъ: «Который же изъ васъ — Иисусъ или Іагве?» современный христіанинъ отвѣчаетъ рѣшительно: «Иисусъ; Иисусъ уничтожаетъ Іагве». Другими словами: «абсолютное христіанство есть антисемитизмъ абсолютный».

На это можетъ быть только одинъ отвѣтъ: другъ Израиля не можетъ быть не-христіаниномъ; христіанинъ не можетъ быть врагомъ Израиля. **Антисемитизмъ есть антихристіанство абсолютное.**

«Отъ іудеевъ спасеніе» — Христось по плоти. Ненависть къ Израиллю — ненависть къ плоти Христовой. Израиль не принялъ Христа. А мы его приняли, какъ слѣдуетъ? Когда примемъ Его мы, то, можетъ быть, примемъ и Израиль.

Нѣкогда Израиль Его не узналъ, пришедшаго; а что если мы сейчасъ не узнаемъ Грядущаго?

Да, «Апокалипсисъ нашихъ дней» совершается. Апокалипсисъ — самая іудейская изъ всѣхъ христіанскихъ книгъ, наиболѣе соединяющая Новый Завѣтъ съ Вѣтхимъ, — это зналъ и Розановъ. «Весь Израиль спасется», говорилъ іудей изъ іудеевъ, христіанинъ изъ христіанъ, апостоль Павелъ. Если Розановъ, Вл. Соловьевъ, Достоевскій, Гоголь, Чаадаевъ — вся ночная, вѣщая семито-арійская, іудео-христіанская душа Россіи права, если «Апокалипсисъ» дѣйствительно, совершается въ наши дни, въ нашей странѣ, то, можетъ быть, именно тамъ, въ эти дни, и начнется спасеніе Израиля — наше спасеніе.

Будь среди насъ не помѣстной, а Вселенской Церкви христіанинъ, онъ, можетъ быть, имѣлъ бы право и силу сказать: **«Шма Израэль. Слушай Израиль! Мы погибаемъ вмѣстѣ съ тобой, потому что между нами произошелъ бездонный распадъ, разъятіе міра, зазіяли колоссальныя пустоты, и, если ихъ не закрыть, то въ нихъ провалится все. Спаси же себя и насъ, или вѣрнѣе, будемъ вмѣстѣ спасаться».**

Такой христіанинъ, вѣроятно, оказался бы сегодня бойцомъ между двумя станами, обреченнымъ на гибель, никѣмъ не услышаннымъ: но пусть не слышатъ теперь — услышатъ когда-нибудь. Все-таки онъ сказалъ бы, съ неугасимой любовью, Израиллю: «Твой Богъ и нашъ одинъ»; съ неугасимой надеждой — христіанамъ: «Два Завѣта одинъ, какъ Сынъ и Отецъ одно».

Д. Мережковскій.